

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У17

Разработка серии
Андрея Саукова

Иллюстрация на обложке
Филиппа Барбышева

У17 **Убийственное** Рождество. Детективные истории под елкой : [сборник]. — Москва : Эксмо, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-04-106418-1

Рождественская пора — время чудес. Но сочельник еще и время, когда активизируются темные силы. Пока одни готовятся к празднику и покупают подарки, преступники строят свои планы и, пользуясь общей расслабленностью, проворачивают страшные дела. Противостоять им будут прославленные сыщики, созданные мастерами жанра: Николаем Свечиным, Валерием Введенским, Андреем Добровым и Иваном Погониным.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Свечин Н., 2020
© Добров А., 2020
© Введенский В., 2020
© Погонин И., 2020
© Оформление.

ISBN 978-5-04-106418-1

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Николай Свечин

**ШЕЛ ПО УЛИЦЕ
МАЛЮТКА...**

Начальник Нижегородской сыскной полиции статский советник Благово сидел в кабинете и обижался. 24 декабря 1880 года, накануне. Завтра Рождество! А из Петербурга получен приказ по МВД о наградах, и в нем сыщик отсутствует... Между тем губернатор еще месяц назад известил Павла Афанасьевича, что послал на него представление к Аннинской ленте¹. Обошли, столичные бюрократы! Посмеялись и вычеркнули.

Из приемной донесся знакомый голос — это пришел Лыков. Титулярный советник, богатый и помощник начальника сыскного отделения был чем-то возбужден. Благово Лыкова любил и терпеливо растил из обалдую своего приемника. Алексей явился кстати. Нужно было выместить на ком-то раздражение за неполученную ленту, и Лыков для этого годился. Статский

¹ То есть к высшей, первой степени ордену Святой Анны.

советник вздохнул, поднялся и вышел в приемную. Хотел уже сказать что-то язвительное, но осекся. Посреди комнаты стоял ребенок лет пяти-шести, бледный от холода, с испуганными, затравленными глазами. Он был одет в добротную кроличью шубку с теплым башлыком и маленькие валеночки с галошами. Несколько сыскных агентов столпились вокруг него и пытались разговорить малыша, но тот косился на дверь и молчал. Алексей протянул мальчишке стакан горячего чая в бисерном подстаканнике:

— На, выпей! Замерз ведь...

Но тот отбежал в угол и стал там, готовый в любой момент зареветь.

— Кто это? — изумился Благово. — И кто его привел?

— Здравствуйте, Павел Афанасьевич! — произнес Лыков. — С наступающим вас! Вот, иду на службу, а он сидит.

— Где сидит?

— На тумбе, не доходя Варварской церкви. Один, весь иззябший и плачет тихонечко. Мимо люди проходят, крестятся и отворачиваются. Иной встанет, спросит — и отойдет.

— Зачем ты сюда-то его привел? Посмотри: хорошо одет, ухоженный. Это не подкидыш и не беспризорный. Нянька, раззява, потеряла. Сейчас, поди, бегаёт вокруг храма да голосит. Надо было там остаться.

— Я тоже сначала так решил. Расспросил народ. Потом взял его за ручку — да он холодный, будто ледышка! А когда с нищим с паперти поговорил, то схватил мальчика на руки и бегом сюда.

— Что такого сказал нищий? — сразу насторожился Благово.

— Уверяет, и определенно, об очень странном факте. Он видел ребенка еще ночью, тот грелся в церкви. Один.

— Один? С ночи? — Статский советник схватился за брегет. — Какая скотина ребенка из дому выставила? Доктора сюда, немедленно!

— Уже позвали, ждем с минуты на минуту. А пока хоть бы чаю попил, согрелся. Ни в какую. Он чем-то сильно напуган.

— Ты с ним разговаривал? Что он сказал?

— Ничего. Говорю, ребенок напуган. Молчит. Мне кажется, он вообще немой. Ни звука, ни всхлипа!

— Да... Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал... Не нравится мне это. Тем более накануне праздника. Ребенок из хорошей семьи, ушел из дому, перепуган до смерти — и никто его не ищет. Соображаешь?

— Да. Совершенно преступление?

— Возможно. Не ищут потому, что с ними самими произошло нечто нехорошее. Ох, пропало Рождество...

Тут распахнулась дверь, и вбежал полицейский врач Милотворский.

— Где он?

— Вон, у окна прячется, — ответил Лыков. — И молчит, даже не плачет. Он, кажется, немой.

— Немой? Ну, это вряд ли!

— Точно немой, Иван Александрович! Я с ним и так и этак — ни гу-гу!

Доктор сбросил шинель, потер ладони, открыл свой чемоданчик и вынул оттуда серебряную ложечку. Сел напротив маленького человечка. Тот сжался и застыл в молчаливом ужасе. Милотворский по-доброму улыбнулся.

— Ну-ка, скажи мне: а-а-а...

И поднес ложку к лицу ребенка. Тот открыл рот и громко просипел:

— А-а-а-а...

— Очень хорошо, молодец! Тебя как зовут?

— Саша.

— А фамилию свою знаешь?

— Гущин.

— Ой! — вскрикнул вдруг агент Торсуев. — Это ж зерноторговца Гущина сынок! С Дворянской улицы.

— Ты сын Феофилакты Ионовича Гущина? — мягко спросил доктор.

— Да, — ответил малец и задрожал мелкой дрожью.

— Что с тобой? Где твой отец, почему он тебя не ищет?

— Его убили.

— Убили? — хором воскликнули сразу несколько сыщиков.

— Да. И няньку Машу. И дядю Ваню. А я убежал.

— Когда это было? — Благово растолкал всех и опустился перед ребенком на колени.

— Не знаю. Я спал. Потом нянька Маша разбудила. Вставай, говорит, тятеньку твоего зарезали... Одеда в зимнее и хотела куда-то вести. Но пришли они и убили всех.

— Как же ты спасся?

— Дядя Ваня крикнул: «Беги!» — и бросился на них. А я побежал на двор. Там калитка.

— И за тобой никто не гнался?

— Я не знаю. Испугался и не оглядывался до церкви. Мы с тятьей в нее ходили...

— А кто такие они и кто — дядя Ваня?

— Дядя Ваня наш приказчик. А они...

На этих словах ребенок не выдержал и зарыдал. Он ревел на всю комнату, и слезы в два ручья лились из глаз. Даже издавшие виды сыщики дрогнули сердцем. Милотворский взял несчастного сироту на руки и сказал Благово:

— Все, на этом допрос закончен. Надо его согреть, успокоить... пожалуй, в конце концов. Дайте мне сани, я отвезу Сашу к себе домой.

Статский советник замахал руками:

— Конечно, Иван Александрович! Забирайте и побудьте с ним пока. У него есть дядя, Варлам Ионович, тоже зерноторговец. Все-таки родная душа... А мы открываем розыск. Лыков, Торсуев — за мной!

Через десять минут пошевни сыскной полиции подъехали к дому Гущина. Добротный особняк за глухим забором стоял возле Ремесленной управы. Снаружи все выглядело благополучно. Дорожка к дому почищена, нигде ни соринки. Полицейские подбежали к дверям — так и есть! Не заперто, и возле крыльца пятна крови.

Сыщики ворвались в дом и сразу наткнулись на первый труп. Крепкий мужик, похоже, белый дворник¹, лежал в передней. В груди виднелась ножевая рана, кровь обильно залила все вокруг. Перепрыгнув через убитого, бросились дальше и в гостиной обнаружили еще два тела. Полная пожилая женщина застыла на диване. Ее удушили — веревка так и осталась на шее. Мужчина лет пятидесяти, в порванном сюртуке и с искаженным болью лицом, распластался возле трюмо. Его зарезали ударом в спину.

— Это нянька и приказчик, — догадался Лыков. — Где же хозяин? Не иначе в кабинете.

Сыщики пошли туда и действительно увиде-

¹ Белый дворник — слуга для тяжелых работ по дому.

ли четвертую жертву. Степенный и уже немолодой, аккуратно одетый, в ухоженной бороде, это и был купец Гущин. Лицо его выражало изумление. Напротив сердца — такая же точно рана, что и у мужика из передней. Бил профессионал.

— Приплыли, — вздохнул Благово и сел на тахту. — Четыре покойника в самое Рождество. Праздники псу под хвост, господа!

Тут послышались шаги, и в кабинет ввалился мужчина в запорошенной снегом шубе.

— Где мой брат? — с порога крикнул он. Но увидел труп и осекся.

— Гущин Варлам Ионович? — спросил для проформы Алексей, хотя по сходству лиц это было и так ясно.

Тот лишь молча кивнул. Не глядя на полицейских, он первым делом кинулся к бюро. Вынул верхний ящик, чертыхнулся и без сил опустился на стул.

— Что пропало? — поинтересовался Благово.

— Процентные бумаги на сорок тысяч. Я приехал, чтобы их забрать.

— Зачем же?

— Собирался открыть новое дело — контору в Рыбинске. Хорошее было бы дело. Теперь все...

— Ваш брат припас эти деньги? Кто еще мог знать, что в доме находится крупная сумма?

— Приказчик Зыков.

— Это тот, что в гостиной лежит?

— Он.

— Других, кто знал, не назовете?

— Дайте хоть с мыслями собраться! — вспыхнул купец. — Брата все-таки убили! А вы — кто знал, кто знал...

— Ну, собирайтесь пока, — примирительно ответил Благово. — Только в детской. Там пусто. А здесь мы будем обыск делать.

— Кстати, господин Гуцин, — неприязненно сказал титулярный советник. — В бюро-то вы сразу полезли... В первую очередь о деньгах подумали. А про племянника своего не хотите спросить?

— Да, как-то из головы вон, — спохватился зерноторговец. — Так что с Сашей? Где он? Не ужели изверги и его убили?

— Нет, мальчик жив. Ему удалось убежать. Сейчас он в доме полицейского врача Милотовского, приходит в себя. Саша всю ночь просидел в Варварской церкви. Не хотите проведать племянника?

— Не сейчас, позже. Я должен видеть результаты вашего обыска. Как наследник. Кроме того, я нужен тут. От кого еще вы узнаете, что пропало из дома?

Лыков покосился на начальника. Тот встал с тахты.

— Это разумно, хотя... бессердечно. Но решать вам. Теперь идите с глаз моих. Понадобитесь — позовем.

Гущин с обиженным лицом вышел. Лыков проводил его взглядом и вздохнул:

— Вот скотина! На брата даже не взглянул, сразу полез деньги проверять. Ну и «родная душа» будет у мальчишки...

— Однако доктор нужен нам здесь, — проворчал Благово. — Торсуев! Сгоняй-ка к Милотворскому.

Вдруг из гостиной раздался едва различимый стон. Сыщики, не сговариваясь, бросились на звук. Приказчик шевелил губами, пытаясь что-то сказать.

— Лыков! Грузи раненого в пошевни и пулей в Мартыновскую больницу. Потом возвращайся сюда с двумя агентами. Торсуев! Карауль братца. Из детской не выпускать, про то, что обнаружен живой приказчик, — не говорить.

— Есть!

— А я пока осмотрю дом.

Машина розыска набирала ход. На место происшествия прибыли полицейский врач и судебный следователь, заглянули ненадолго полицмейстер и вице-губернатор. Убийство четырех человек в канун Рождества — страшное святотатство. Власти прилагали все силы для быстреего открытия извергов. Благово с Лыковым вертелись, как чумные, забыв про торжества. Лишь под утро, пропустив Великие часы, они едва успели в кафедральный собор к литургии.

Раскрытие преступления случилось неожиданно быстро и мало зависело от рвения сыщиков. Алексей пришел домой и попытался часик соснуть, но не успел — за ним заехал Благово.

— Вставай, бездельник! Зыков очнулся и готов дать показания.

— Какой Зыков? — не понял спросонья титулярный советник.

— Приказчик, раненный в доме Гущина.

— Выжил? Когда я его отвозил — очень был плох!

— Не знаю, насколько он стал хорош. Милотворский провозился с ним всю ночь, а сейчас прислал записку. Удар сзади оказался неудачным. Клинок попал в лопатку, соскользнул и прошел ниже сердца. Зыков больше пострадал от кровопотери. Видимо, умрет — его уже соборовали. Но он хочет нам что-то рассказать. Если успеет... Так что собирайся быстрее!

Зыков лежал в одиночной палате земской больницы под наблюдением врача. Увидев полицейских, он обрадовался и прошептал бескровными губами:

— Наконец-то...

— У вас хватит сил? — наклонился над раненым Благово.

— Хватит... Я должен... должен. Исповедался, а теперь и вам расскажу... Ничего не утаю... С Богом скоро встречаться, надобно душу очистить...

Сыщики сели у кровати, Лыков достал бумагу и карандаш. Приказчик вздохнул, как перед прыжком в холодную воду, и начал свой рассказ:

— Я погубил свою душу пять лет назад. Уж позвольте с этого места излагать, а до убийств доберемся... Настоящая моя фамилия Братцов, а Зыковым стал по поддельному паспорту. Служил я тогда в Ярославле у богатого купца Чумакова. Был на хорошем счету и выбился в старшие приказчики. Хозяин мне доверял... Однажды он поехал в Ирбит на ярмарку, а мне оставил двадцать восемь тысяч рублей закончить сделку. Тут-то меня и обуял лукавый...

Зыков-Братцов прикрыл на минуту глаза, потом продолжил:

— Долго говорить сил нет, буду покороче... Одним словом, украл я эти деньги. Не смог побороть соблазн. Купец приехал, спрашивает отчета, а я говорю, что он мне никаких сумм не давал... Скандал учинился. А свидетелей-то нет! Подал Чумаков на меня в суд, ничего там не доказал и написал архиерею, просил разобрать наш спор Божьим судом... А именно — привести меня к клятве перед крестом и Святым Евангелием в том, что я денег у него не брал. Вот... Как быть? Думал я, думал и решил идти до конца. Страшно мне тогда сделалось, но еще больше боялся тюрьмы... Ну и... Ровно в полночь вывели меня священники из дома, босого, в сава-